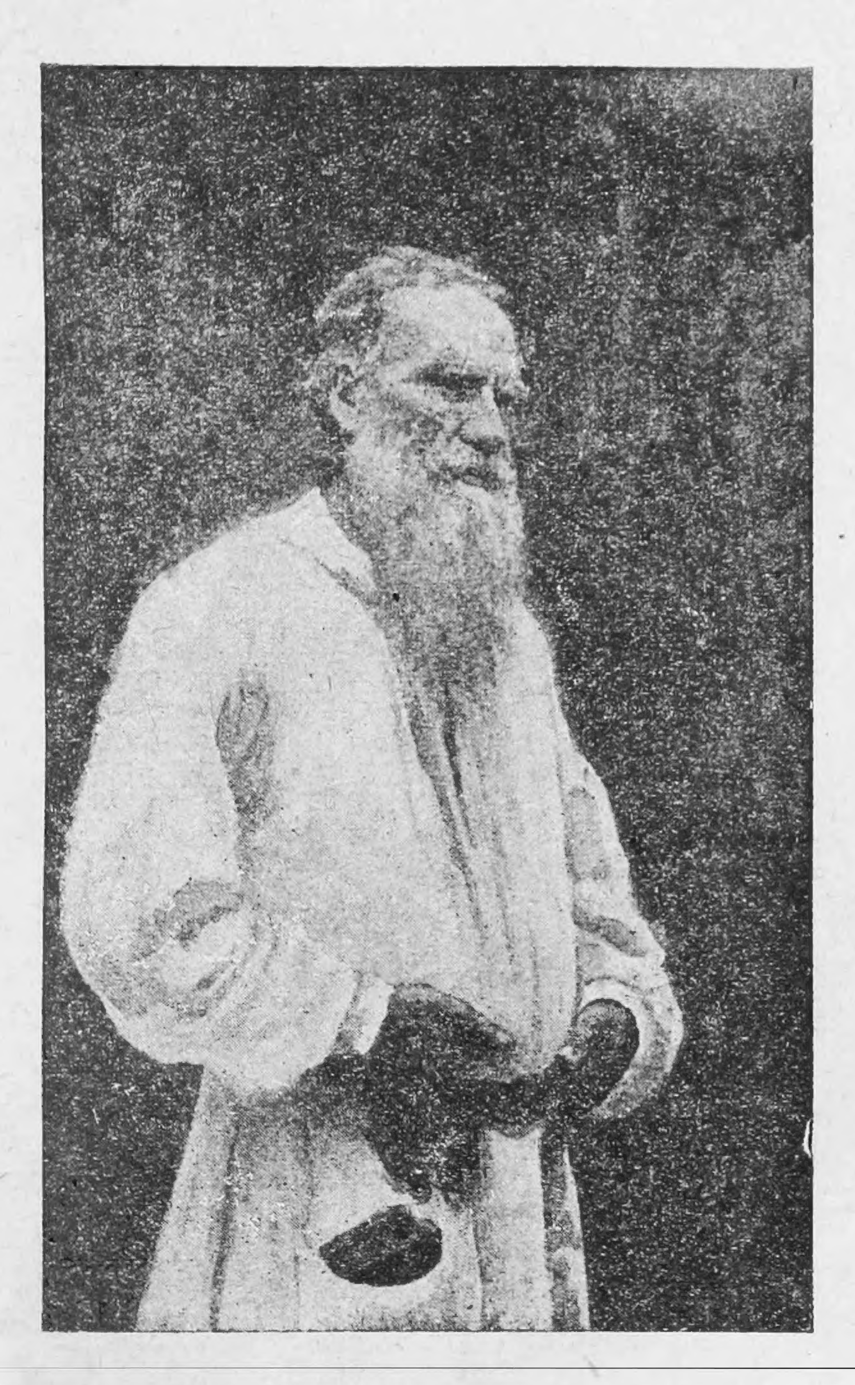
Л. Н. Толстой.

О НАСИЛІИ.

(О НЕПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ ЗЛОМЪ).

Изданіе „ПОСРЕДНИКА".
№ 1182.

Типографія Г. В. Васильева, п./ф. «Ломоносовъ», Москва.

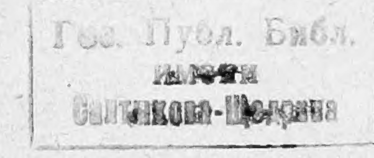
О НЕПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ ЗЛОМЪ.

(Письмо къ N. N.)

Дорогой мой N. N! Пишу вамъ «дорогой» не потому, что́ такъ пишутъ, а потому, что со времени полученія вашего перваго, а особенно второго письма, чувствую, что вы мнѣ очень близки и я васъ очень люблю. Въ чувствѣ, которое я испытываю къ вамъ, есть много эгоистичнаго. Вы вѣрно не думаете этого; но вы не можете и представить себѣ, до какой степени я одинокъ, до какой степени то, что есть настоящій «я», презираемо всѣми, окружающими меня. Знаю, что претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ; знаю, что только въ пустякахъ дано человѣку право пользоваться плодами своего труда или хоть видѣть этотъ плодъ, а что въ дѣлѣ Божьей истины, которая вѣчна, не можетъ быть дано человѣку видѣть плодъ своего дѣла, особенно же въ короткій періодъ своей коротенькой жизни. Знаю все это и все-таки часто унываю; и потому встрѣча съ вами и надежда, почти увѣренность, найти въ васъ человѣка, искренно идущаго по одной дорогѣ со мной и къ одной и то́й же цѣли, для меня очень радостна.

Ну, теперь буду отвѣчать вамъ по порядку.

Письма ваши къ Аксакову мнѣ понравились, особенно послѣднее. Доводы ваши неотразимы, но для него не существуютъ. Все, что онъ говоритъ, давно мнѣ знакомо. Все это повторяется въ жизни, въ литературѣ, въ бесѣдахъ, все одно и одно. И именно вотъ что: вы

говорите: я вижу, что это истина, а это ложь, вотъ потому-то и потому-то, что это добро, а это зло потому-то и потому. Аксаковъ и ему подобные видятъ, что это правда; даже прежде, чѣмъ вы сказали имъ, они знаютъ правду. Но они живутъ во лжи, и имъ для того, чтобы человѣкъ, какъ и всякій другой съ сердцемъ, любящимъ добро и ненавидящимъ зло, и съ разумомъ, имѣющимъ одну цѣль—отличать ложь отъ истины, для того, чтобы человѣкъ могъ жить во лжи и злѣ и служить имъ, онъ долженъ былъ уже прежде закрыть глаза на истину и продолжать дѣлать любимое имъ зло. А ширмы эти однѣ и тѣ же у всѣхъ: историческое воззрѣніе, объективный взглядъ, забота о другихъ и устраненіе вопроса о своемъ отношеніи къ добру и истинѣ. Это дѣлаетъ Аксаковъ, это дѣлаетъ Соловьевъ, это дѣлаютъ всѣ богословы, это дѣлаютъ всѣ государственные люди, политико-экономы, это дѣлаютъ всѣ, кто живетъ противно истинѣ и добру и которымъ нужно оправдаться предъ самимъ собой.

Нельзя сказать этого яснѣе, чѣмъ это сказано у Іоанна (III, 19—21). Изъ этого я дѣлаю тотъ выводъ, что по отношенію къ этимъ людямъ не надо метать бисеръ, а надо выработать въ себѣ извѣстное отношеніе къ нимъ, при которомъ не тратились бы напрасно силы. Разсужденіе же съ ними—не только праздное дѣло, но вредное для нашей цѣли. Они раздражать васъ вызовомъ на что-нибудь лишнее, неточное и, забывая все главное изъ того, что вы сказали, привяжутся къ одному этому. Отношеніе къ нимъ, которое я стараюсь выработать въ себѣ и совѣтую другимъ, такое же, какъ мое отношеніе къ развращенному, пьяному ухарю, который хочетъ втянуть въ свой развратъ моего шестнадцатилѣтняго сына. Я жалѣю этого развратника, но не буду исправлять его, потому что знаю, что это невозможно. Онъ—отпѣтый и только меня же подниметъ на смѣхъ передъ сыномъ. Не буду тоже удалять моего сына насильно отъ него, потому что сыну моему неизбѣжно, не нынче, такъ завтра, встрѣтиться съ нимъ или съ подобными ему; я даже не буду стараться передъ сыномъ разоблачать его гадость. Надо, чтобы онъ самъ открылъ ее. А я буду стараться наполнить душу своего сына такимъ содержаніемъ, чтобы соблазны молодца не захватывали его, а то потратишь силы, которыхъ и такъ мало, на метаніе бисера, да еще затопчутъ и растерзаютъ не меня и васъ и N. N., а затушать маленькій брезжущій свѣтъ среди тьмы.

И вотъ этимъ отступленіемъ я прямо нечаянно подошелъ ко второму и главному пункту вашего письма. Но какъ же раскрывать глаза людямъ, спасать ихъ отъ соблазновъ распутниковъ, когда насиліе мѣшаетъ этому? Какъ добиться осуществленія евангельскаго ученія? Не долженъ ли я заступиться за людей, если они просятъ меня о помощи, хотя бы пришлось освобождать ихъ силою, если передъ моими глазами убиваютъ и мучатъ людей? Освобождать и заступаться за людей силою не должно, и не должно потому, что этого нельзя, и потому что пытаться дѣлать добро насиліемъ, т.-е. зломъ, глупо.

Пожалуйста, ради Бога истины, которой вы служите, не торопитесь, не горячитесь, не придумывайте доказательствъ справедливости вашего мнѣнія, прежде чѣмъ не вдумаетесь не въ то, что я напишу вамъ, а въ Евангеліе, и не въ Евангеліе, какъ слово Христа или Бога и т. п., а въ Евангеліе, какъ самое ясное, простое, всѣмъ понятное и практическое ученіе о томъ, какъ надо жить каждому изъ насъ и всѣмъ людямъ.

Если на моихъ глазахъ мать засѣкаетъ своего ребенка,—что мнѣ дѣлать? Поймите, что вопросъ въ томъ, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, т.-е. что хорошо и разумно, а не въ томъ, какое будетъ мое первое побужденіе при этомъ. Первое побужденіе при личномъ оскорбленіи, это—отомстить; но вопросъ въ томъ, разумно ли это? И точно такой же вопросъ о томъ, разумно ли употребить насиліе противъ этой матери, которая сѣчетъ ребенка. Если мать сѣчетъ своего ребенка, то что мнѣ больно и что я считаю зломъ: то, что ребенку больно, или то, что мать, вмѣсто радости любви, испытываетъ муки злобы? И я думаю, что зло въ томъ и въ другомъ. Одинъ человѣкъ не можетъ дѣлать ничего злого. Зло есть разобщеніе людей. И потому, если я хочу дѣйствовать, то могу только дѣйствовать съ цѣлью уничтожить разобщеніе и возстановить общеніе между матерью и ребенкомъ. Какъ же мнѣ поступить? Насиловать мать? Я не уничтожу разобщенія ея съ ребенкомъ, а только внесу грѣхъ еще новый—разобщеніе со мной. Что же можно? Одно—подставить себя вмѣсто ребенка; это не будетъ неразумно. То, что пишетъ Достоевскій и что мнѣ очень противно, мнѣ говорили схимики и митрополиты, именно, что воевать можно, что это защита, душу положить за братьевъ. Я всегда отвѣчалъ на это: защищать грудью,

подставляя себя—да; но самому стрѣлять людей изъ ружья—это не защищать, а убивать.

Вникните въ ученіе Евангелія и вы увидите, что коротенькая 4-я заповѣдь (Мѳ. V, 38, 39): не противиться злу, т.-е. зломъ не отвѣчать на зло, есть, не скажу главное, но есть смыкающее звено всего ученія и то самое, которое старательно обходили и обходятъ всѣ ученія лже-христіанскія, и то самое положеніе, непризнаніе котораго послужило основой всему тому, что вы такъ справедливо ненавидите. Не говоря уже о Никейскомъ соборѣ, надѣлавшемъ столько зла и основанномъ на этомъ самомъ непониманіи ученія Христа, т.-е. на насиліи во имя добра и Христа,—въ апостольскія времена уже (у Павла въ Дѣяніяхъ) зарождается это насиліе во имя добра и нарушается смыслъ ученія.

Какъ часто бывало мнѣ грустно въ бесѣдахъ моихъ съ попами и революціонерами, смотрящими на евангельское ученіе какъ на орудіе достиженія цѣли внѣшней,—и тѣ, и другіе люди крайнихъ полюсовъ съ одинаковою яростью отрицали это основное положеніе ученія Христа. Первымъ нельзя гнать, душить разновѣровъ, благословлять побоища, казни; вторымъ нельзя насиліемъ разрушать существующій безобразный безпорядокъ, называемый порядкомъ. Очевидно, попы и власти не могутъ себѣ представить даже людской жизни безъ насилія. Точно такъ же революціонеры. По плодамъ узнается дерево; не можетъ дерево доброе приносить плоды насилія. Ученіе Христа не можетъ служить ни тому, чтобы душить, ни тому, чтобы сковыривать. И потому и тѣ, и другіе, извращая ученіе, сами лишаютъ себя той единственной силы, которую даетъ вѣра въ истину, во всю, а не въ частичку ея. Поднявшіе мечъ мечомъ погибнутъ; это не предсказаніе, а утвержденіе всѣмъ извѣстнаго факта.

Мѳ. VI, 22—24, въ особенности 23-й стихъ. Если то, что ты считаешь добромъ,—зло, то каково же будетъ зло твоей жизни и дѣлъ? Нельзя служить немножко Богу, немножко дьяволу. И Евангеліе не такая глупая книга, какъ намъ ее расписали попы. И всякое положеніе сказано тамъ не на вѣтеръ, а такъ, что оно органически связано со всѣмъ ученіемъ. Такъ и заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ проходитъ черезъ все Евангеліе, и безъ нея ученіе Евангелія, для меня по крайней мѣрѣ, все распадается. Мало того, что

оно выражено много разъ такъ ясно и прямо, что нельзя его скрасть; мало того, что все описаніе жизни и дѣлъ Христа есть приложеніе этой заповѣди; мало того, что у Іоанна выставленъ Каіафа непонимающимъ этой истины и вслѣдствіе непониманія ея, во имя блага народа, губящій жизнь Христа,—тамъ указано прямо на то, что противленіе злу есть самый страшный и опасный соблазнъ, которому подпадаютъ не только ученики Христа, а чуть было не подпалъ и онъ самъ. Но мало того, мнѣ теперь кажется, что если бы и не было Христа и его ученія, я бы самъ открылъ эту истину: такъ она мнѣ теперь кажется проста и ясна; и я увѣренъ, что она такою покажется и вамъ. Мнѣ такъ ясно теперь, что, допусти я для себя малѣйшее насиліе во имя исправленія огромнѣйшаго зла, другой на основаніи того же допуститъ и для себя маленькое насиліе, и третій, и четвертый—и милліоны маленькихъ насилій сложатся въ то ужасное зло, которое царствуетъ теперь и давитъ насъ.

Вотъ, если вы исполнили мою просьбу и дочли до сихъ поръ спокойно, воздерживаясь отъ доказательствъ подтвержденія вашего мнѣнія, а слѣдили за изложеніемъ моего, то, надѣюсь, вы согласитесь, что есть сильныя доказательства и для противнаго вамъ мнѣнія, и, надѣюсь, еще болѣе согласитесь со мной, когда прочтете краткое изложеніе и переводъ четвероевангелія, которое посылаю вамъ. Сколько я догадываюсь, вы теперь вотъ въ какомъ положеніи: разумъ вашъ говоритъ вамъ, что я правъ, но сердце ваше возмущается противъ такого положенія о непротивленіи злу. Вы говорите себѣ: что-нибудь тутъ не такъ, какая-нибудь тутъ есть ошибка разсужденія, я найду ее и докажу, потому что не можетъ быть, чтобы ученіе Христа, ученіе любви къ брату, вело къ тому, чтобы сидѣть сложа руки, глядя на зло, совершающееся въ мірѣ. Хорошо, говорите вы, отжившему старику разводить лясы и увѣрять всѣхъ, что надо терпѣть зло. Ему хорошо, онъ сытъ, доволенъ, все у него есть, и ему осталось доживать немного. Весь жаръ жизни имъ уже выжитъ; но я безъ разсужденій чувствую, что во мнѣ заложена любовь къ добру и правдѣ и ненависть ко злу и лжи не даромъ; я не могу не выражать ее, не жить во имя ея, а каждый шагъ моей жизни есть борьба со зломъ. И я долженъ бороться и буду бороться съ нимъ тѣми средствами, которыя мнѣ уяснились уже и которыя еще уяснятся и представятся. Нужна проповѣдь въ

народѣ, сближеніе съ сектантами, воздѣйствіе на правительство и т. п.

Чувство, подсказывающее вамъ эти мысли, хорошее чувство, и за него-то я люблю васъ. Но это самое чувство побудило Петра запастись ножомъ и отрубить ухо рабу. Представьте себѣ, что было бы, если бы Іисусъ не удержалъ ихъ: сдѣлалась бы свалка, Іисусовы побѣдили бы и потомъ завоевали бы Іерусалимъ. Они бы порубили и ихъ бы порубили. Каково было бы христіанское ученіе? Его бы не было, и намъ бы не на что было упереться; мы были бы хуже Аксаковыхъ и Соловьевыхъ.

Для того, чтобы полнѣе выразить вамъ мою мысль, скажу вамъ, въ чемъ я полагаю значеніе Христа, значеніе не туманно-метафизическое, а значеніе ясное, жизненное.

Всѣ говорятъ, что значеніе христіанства въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, какъ себя самого. Но что такое Богъ? Что такое любить? Что такое любить что-то непонятное, Бога? Что такое ближній? Что такое самъ я?

Слова эти имѣютъ для меня такое значеніе: любить Бога—значитъ любить истину; любить ближняго, какъ самого себя,—значить признавать единство своей сущности души и жизни со всякой другой человѣческой жизнью, съ вѣчной истиною, Богомъ. Такъ это для меня. Но мнѣ ясно, что эти ничего неопредѣляющія слова могутъ быть понимаемы иначе и что большинство не можетъ даже понимать ихъ такъ, какъ я. Главное же то, что слова эти ни для меня, ни для кого, не обязываютъ ни къ чему и ничего не опредѣляютъ. Какъ это любить какого-то Бога, котораго каждый понимаетъ посвоему, а другіе и вовсе не признаютъ, и любить ближняго, какъ самого себя, тогда какъ въ меня вложена ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ? Это такъ неясно и неисполнимо, что остается пустою фразою. Мое мнѣніе то, что это положеніе метафизическое, очень важное, какъ таковое; но когда это же положеніе понимается какъ правило жизненное, какъ законъ, то оно просто глупо. А къ сожалѣнію, его часто такъ понимаютъ.

Все это я говорю къ тому, чтобы выяснить то, что значеніе христіанства, какъ и всякой вѣры, не въ метафизическихъ принципахъ (метафизическіе принципы во всемъ человѣчествѣ—Будда, Конфу-

цій, Сократъ—всегда были и будутъ одни и тѣ же), а въ приложеніи ихъ къ жизни, въ живомъ представленіи о томъ благѣ каждаго человѣка и всего человѣчества, которое достигается при приложеніи этихъ принциповъ къ жизни, въ выясненіи возможности приложенія ихъ и въ опредѣленіи тѣхъ правилъ, которыми оно достигается.

Еще во Второзаконіи сказано: люби Бога и ближняго, какъ самого себя; но приложенія этого принципа по Второзаконію состояли въ обрѣзаніи, субботѣ и уголовномъ законѣ. Значеніе христіанства состоитъ въ указаніи возможности и счастья исполненія закона любви. Христосъ въ нагорной проповѣди очень ясно опредѣлилъ, какъ надо и можно для счастья своего и всѣхъ людей исполнять этотъ законъ. Въ нагорной проповѣди (которой если бы не было, то не было бы и ученія Христа, въ чемъ всѣ соглашаются), въ которой Христосъ обращается не къ мудрецамъ, а къ безграмотнымъ, сиволапымъ,—въ проповѣди, которая обставлена вступленіемъ, что кто не исполнитъ единой изъ малыхъ заповѣдей сихъ (Мѳ. V, 17, 20), и заключеніемъ, что не говорить надо, а исполнять (Мѳ. VII, 21, 27),—въ этой проповѣди все сказано, и дано пять заповѣдей о томъ, какъ исполнять ученіе. Въ нагорной проповѣди изложены самыя простыя, легкія, понятныя правила приложенія любви къ Богу и ближнему къ жизни, безъ признанія и исполненія которыхъ нельзя говорить о христіанствѣ. И, какъ ни странно сказать это послѣ 1800 л., мнѣ привелось открывать эти правила какъ что-то новое. И только когда я понялъ эти правила, только тогда я понялъ значеніе ученія Христа. Правила эти такъ удивительно захватываютъ всю жизнь каждаго человѣка и всего человѣчества, что только представь себѣ человѣкъ исполненіе этихъ правилъ на землѣ, и на землѣ—царство правды. И потомъ разбери всѣ эти правила отдѣльно, прилагая ихъ къ себѣ, и увидишь, что этотъ невообразимо блаженный и огромный результатъ получается отъ исполненія самыхъ простыхъ, естественныхъ, не только легкихъ, но пріятныхъ для исполненія правилъ. Подумаешь, нужно ли что-нибудь прибавить къ этимъ правиламъ для того, чтобы осуществилось царство правды? Ничего не нужно. Подумаешь, можно ли отрицать одно изъ правилъ, чтобы не нарушилось царство правды? Нельзя. Если бы я ничего не зналъ изъ ученія Христа, кромѣ пяти правилъ, я и тогда бы былъ такимъ же христіаниномъ, какъ теперь. Не сердись, не блуди, не

клянись, не судись, не воюй—вотъ въ чемъ для меня сущность ученія Христа.

И это-то ясное выраженіе ученія Христа было спрятано отъ людей, и потому человѣчество постоянно отступалось отъ него въ двѣ крайнія стороны. Одни, видя въ ученіи Христа ученіе о спасеніи души для грубо представляемой ими себѣ вѣчной жизни, устранялись отъ міра, заботясь только о томъ, что имъ самимъ для себя дѣлать, — какъ усовершенствоваться въ одиночку, что было бы смѣшно, если бы не было жалко. И страшныя силы потрачены этими людьми, и ихъ много было, на невозможное и глупое—дѣлать добро для себя въ одиночку, безъ людей. Другіе, напротивъ, не вѣря въ будущую жизнь, жили, лучшіе изъ нихъ, только для другихъ, но не знали и не хотѣли знать, что нужно имъ для себя и во имя чего они хотятъ добра другимъ и какого добра. Мнѣ кажется, что одно невозможно безъ другого: человѣкъ не можетъ дѣлать себѣ, своей душѣ добро, не дѣйствуя для другихъ и съ другими, какъ это дѣлали аскеты религіозные и лучшіе изъ нихъ, и не можетъ дѣлать добро людямъ, не зная, что ему самому нужно, и во имя чего онъ дѣйствуетъ, какъ это дѣлали и дѣлаютъ общественные дѣятели безъ вѣры. Я люблю людей перваго разряда, но всѣми силами души ненавижу ихъ ученіе, и люблю, очень люблю людей второго разряда, но тоже ненавижу ихъ ученіе. Въ томъ только ученіи истина, которое указываетъ дѣятельность—жизнь, удовлетворяющую потребностямъ души, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть постоянная дѣятельность для блага другихъ. Таково ученіе Христа. Оно одинаково далеко отъ квіетизма религіознаго, отъ заботы о своей душѣ и отъ революціоннаго задора (правительственная, поповская дѣятельность есть революціонная), желающаго облагодѣтельствовать другихъ, не зная вмѣстѣ съ тѣмъ, въ чемъ состоитъ истинное, несомнѣнное благо. Христіанская жизнь такова, что нельзя сдѣлать добра людямъ иначе, какъ сдѣлавъ добро самому себѣ, своей разумной душѣ, и не сдѣлать добра себѣ иначе, какъ дѣлая добро братьямъ. Христіанская жизнь одинаково далека отъ квіетизма и отъ задора. Люди молодые и вашего строя мысли склонны смѣшивать христіанское ученіе истинное съ квіетизмомъ суевѣровъ. И имъ кажется, что отказаться отъ сопротивленія злу насиліемъ очень удобно и легко и что отъ этого дѣло христіанское ослабѣваетъ и лишается силъ. Это невѣрно.

Вы поймите, что христіанинъ отрекается отъ насилія не потому, что онъ не любитъ того же, что вы желаете, не потому, что онъ ясно видитъ, что насиліе—первое, что напрашивается человѣку при видѣ зла, но онъ видитъ, что насиліе отдалитъ его отъ цѣли, а не приблизитъ къ ней, что оно неразумно, какъ неразумно человѣку, желающему добраться до воды родника, палкой пробивать ту землю, которая отдаляетъ его отъ ключа. И человѣку, отвергающему насиліе, не легче,—напротивъ, какъ не легче взять заступъ и копать, чѣмъ колотить коломъ землю. Ему легче только тѣмъ, что онъ твердо знаетъ, что, не противясь злу насиліемъ, а разсѣвая его добромъ и истиною, онъ дѣлаетъ, что можетъ, исполняетъ волю Отца, по выраженію Христа. Нельзя огнемъ тушить огонь, водой сушить воду, зломъ уничтожать зло. Ужъ это дѣлали, дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, и вотъ додѣлали до того положенія, въ которомъ мы живемъ. Пора бы бросить старый пріемъ и взяться за новый, тѣмъ болѣе, что онъ и разумнѣе. Если есть движеніе впередъ, то только благодаря тѣмъ, которые добромъ платили за зло. Что если бы одна милліонная тѣхъ усилій, которыя употребляются людьми на то, чтобы насиліемъ побороть зло, употреблялось на то, чтобы переносить зло, не участвуя въ немъ, и свѣтить тѣмъ свѣтомъ, который данъ каждому? Хоть просто, съ опытной точки зрѣнія, тѣмъ ничего не добились, отчего же не попытаться другого, тѣмъ болѣе, что это такъ ясно, очевидно и радостно. Хоть частный примѣръ: вспомнимъ Россію за послѣднія 20 лѣтъ. Сколько истиннаго желанія добра, готовности къ жертвамъ, сколько потрачено нашей молодой интеллигенціи на то, чтобы установить правду, чтобы сдѣлать добро людямъ! И что же сдѣлано? Ничего. Хуже, чѣмъ ничего. Погубили страшныя душевныя силы. Колья переломали и землю убили хуже, чѣмъ прежде, такъ что и заступъ не беретъ. Вмѣсто тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыя принесены молодежью, вмѣсто выстрѣловъ, взрывовъ, типографій, что если бы эти люди вѣрили въ ученіе Христа, т.-е. считали бы, что христіанская жизнь есть одна разумная жизнь; что если бы вмѣсто этого страшнаго напряженія силъ одинъ, два, десятки, сотни людей просто бы, на призывъ ихъ въ военную службу, сказали бы: мы не можемъ служить убійцами, потому что мы вѣримъ въ ученіе Христа,—то, которое вы исповѣдуете,—это запрещено его заповѣдью. То же бы они сказали по отношенію присяги; то же бы

сказали по отношенію судовъ; то же сказали бы и исполняли по отношенію къ насилію, утверждающему собственность. Что было бы изъ этого, я не знаю; но знаю, что это подвинуло бы дѣло и что это одинъ путь дѣятельности плодотворной—не дѣлать того, что противно ученію Христа, и прямо, открыто утверждать его, и не для достиженія только внѣшнихъ цѣлей, а для своего внутренняго удовлетворенія, которое состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать зла другимъ, пока я еще не въ силахъ дѣлать добро имъ.

Вотъ мой отвѣтъ на ваши вопросы о томъ, чего нужно добиваться. Нужно добиваться того, чтобы исполнять правила Христа для себя и открывать людямъ свѣтъ и радость исполненія ихъ. Все это, впрочемъ, лучше сказано въ Евангеліи (Мѳ. V, 13, 16).

Предвижу еще возраженіе. Вы скажете: не ясно, какъ исполнять эти правила и къ чему они приведутъ насъ? Какъ по этимъ правиламъ относиться къ собственности, къ власти, къ международнымъ отношеніямъ?

Не думайте, чтобы у Христа было что-нибудь неясное. Все ясно какъ день. Отношеніе къ власти выражено въ разсказѣ о динаріи. Деньги, собственность есть дѣло не христіанское. Оно идетъ отъ властей, власти и отдавай. Но душа твоя свободная отъ Бога истины, и потому твои дѣла, твою разумную свободу никому не отдавай, кромѣ Бога. Убить тебя могутъ, но заставить убивать и сдѣлать не христіанское дѣло не могутъ. Къ собственности—собственности по Евангелію нѣтъ, и у тѣхъ, у кого она есть, у тѣхъ—горе, т.-е. имъ плохо, и потому, въ какомъ положеніи ни находился бы христіанинъ, онъ по отношенію къ собственности ничего другого не можетъ сдѣлать, какъ то, чтобы не участвовать въ насиліи, совершаемомъ во имя собственности, и то, чтобы разъяснить другимъ, что собственность есть миѳъ, что собственности нѣтъ, а есть извѣстное привычное насиліе по отношенію къ пользованію вещами, которыя люди называютъ собственностью и которое дурно. У человѣка, который будетъ отдавать кафтанъ, когда хотятъ снять рубаху, не можетъ быть рѣчи о собственности. Вопроса о международныхъ отношеніяхъ тоже не можетъ быть. Всѣ люди братья, одинакіе. И если пришли зулу, чтобы изжарить моихъ дѣтей, то одно, что я могу сдѣлать, это постараться внушить зулу, что это ему невыгодно и нехорошо, внушить, покоряясь ему по силѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нѣтъ расчета бороться съ зулу. Или онъ

одолѣетъ меня и еще больше моихъ дѣтей изжаритъ, или я одолѣю, а дѣти мои завтра заболѣютъ въ мученіяхъ худшихъ и умрутъ отъ болѣзни. Расчета нѣтъ, потому что, покоряясь, я навѣрно дѣлаю лучше, а сопротивляясь, я сомнительно дѣлаю лучше.

Такъ вотъ мой отвѣтъ: наилучшее, что мы можемъ сдѣлать, это—исполнять самимъ все ученіе Христа. А чтобы исполнять его, мы должны быть увѣрены, что оно есть истина и для всего человѣчества, и для каждаго изъ насъ. Имѣете ли вы эту вѣру?

Статью вашу, я думаю, лучше напечатать, хотя и съ сокращеніями.

Еще два возраженія или вопроса, которые, я воображаю, вы должны мнѣ сдѣлать. Первое—это то, то если покоряться, такъ, какъ я говорю, и зулу, и городовому, и отдавать злому человѣку все, что онъ захочетъ отнять у меня; если не участвовать въ государственныхъ учрежденіяхъ судовъ, учебныхъ заведеній, университетовъ, не признавать свою собственность, то падешь на низшую ступень общественной лѣстницы, тебя затопчутъ, затрутъ, ты будешь бродяга, нищій, и свѣтъ, который есть въ тебѣ, пропадетъ даромъ, никто и не увидитъ его, и потому не лучше ли поддержать себя на извѣстной степени независимости отъ нужды и возможности образованія и общенія съ наибольшимъ кругомъ людей—печать. Дѣйствительно, такъ кажется, но это только кажется. И кажется такъ потому, что намъ дороги наши удобства жизни, наше образованіе и всѣ тѣ радости мнимыя, которыя оно доставляетъ намъ, и мы кривимъ душою, говоря это.

Это несправедливо потому, что на какой бы низкой ступени человѣкъ ни стоялъ, онъ всегда будетъ съ людьми и потому въ состояніи дѣлать добро имъ. А лучше ли профессора университета, важнѣе ли они жителей ночлежнаго дома для христіанскаго дѣла—это вопросъ, котораго никто рѣшить не можетъ. Въ пользу нищихъ говоритъ мое собственное чувство и примѣръ Іисуса. Только нищіе могутъ благовѣствовать, т.-е. учить разумной жизни. Я могу разсуждать прекрасно и быть искреннимъ, но никто никогда не повѣритъ мнѣ, пока видитъ, что я живу въ палатахъ и проживаю съ семьей въ день стоимость годовой пищи бѣдной семьи. А что касается нашего мнимаго образованія, то пора бы перестать говорить о немъ, какъ о благѣ. Испортитъ человѣка оно испортитъ совсѣмъ

изъ ста 99, но прибавить что-нибудь человѣку ужъ никакъ не можетъ. Вы вѣрно знаете про Сютаева. Вотъ вамъ безграмотный мужикъ, а его вліяніе на людей, на нашу интеллигенцію больше и значительнѣе, чѣмъ всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей со всѣми Пушкиными, Бѣлинскими вмѣстѣ взятыми, начиная отъ Тредьяковскаго и до нашего времени. Такъ потерять ничего не потеряешь. И если кто оставитъ домъ, отца и мать, и братьевъ, и жену и дѣтей, то найдетъ во сто разъ больше здѣсь, въ мірѣ этомъ, и домовъ, и отцовъ, и братьевъ и еще жизнь вѣчную. Многіе первые будутъ послѣдними (Мѳ. X, 29).

Теперь другой вопросъ, прямо, невольно вытекающій изъ этого, Ну, а вы, Л. Н., проповѣдывать вы проповѣдуете, а какъ исполняете? Вопросъ этотъ самый естественный, и мнѣ его дѣлаютъ всегда и всегда побѣдоносно зажимаютъ мнѣ ротъ. Вы проповѣдуете, а какъ вы живете? И я отвѣчаю, что я не проповѣдую и не могу проповѣдывать, хотя страстно желаю этого. Проповѣдывать я могу дѣломъ, а дѣла мои скверны. То же, что я говорю, не есть проповѣдь, а есть только опроверженіе ложнаго пониманія христіанскаго ученія и разъясненіе настоящаго его значенія. Значеніе его не въ томъ, чтобы во имя его насиліемъ перестраивать общество; значеніе его въ томъ, чтобы найти смыслъ жизни въ этомъ мірѣ. Исполненіе пяти заповѣдей даетъ этотъ смыслъ. Если вы хотите быть христіаниномъ, то надо исполнять эти заповѣди; а не хотите ихъ исполнять, то не толкуйте о христіанствѣ внѣ исполненія этихъ заповѣдей. Но,—говорятъ мнѣ,—если вы находите, что внѣ исполненія христіанскаго ученія нѣтъ разумной жизни, а вы любите эту разумную жизнь, отчего вы не исполняете заповѣдей? Я отвѣчаю, что виноватъ и гадокъ, и достоинъ презрѣнія за то, что я не исполняю. Но притомъ не столько въ оправданіе, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей говорю: посмотрите на мою жизнь прежнюю и теперешнюю, и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и $^{1}/_{10000}$,—это правда, и я виноватъ въ этомъ; но я не исполнилъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ. Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню; но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить. Обвиняйте меня, я самъ это дѣлаю, но обвиняйте меня, а не тотъ путь, по которому я иду и который указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ,

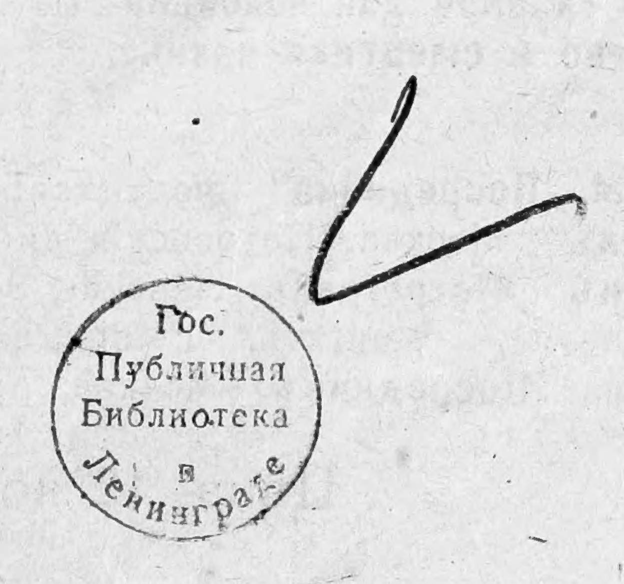
по моему мнѣнію, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону, то неужели отъ этого невѣренъ путь, по которому я иду? Если невѣренъ, покажите мнѣ другой; если я сбиваюсь и шатаюсь, помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддержать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите съ восторгомъ: «Вотъ онъ! говоритъ, что идетъ домой, а самъ лѣзетъ въ болото». Да, не радуйтесь же этому, а помогите мнѣ, поддержите меня.

Вѣдь вы не черти изъ болота, а тоже люди, идущіе домой. Вѣдь я одинъ, и вѣдь я не могу желать итти въ болото. Помогите мнѣ; у меня сердце разрывается отъ отчаянія, что мы всѣ заблудились, и когда я бьюсь всѣми силами, вы, при каждомъ отклоненіи, вмѣсто того, чтобы пожалѣть себя и меня, суете меня и съ восторгомъ кричите: «Смотрите, съ нами вмѣстѣ въ болотѣ».

Такъ вотъ мое отношеніе къ ученію и исполненію. Всѣми силами стараюсь исполнить, и въ каждомъ неисполненіи не то что только каюсь, но прошу помощи, чтобы быть въ состояніи исполнять, и съ радостью встрѣчаю всякаго, ищущаго путь, какъ и я, и слушаюсь его.

Если вы прочтете то, что я посылаю, вамъ будетъ понятнѣе и содержаніе этого письма. Пишите мнѣ. Я очень радъ общенію съ вами и съ волненіемъ буду ждать вашего отвѣта.

1882 г.

Изданія „Посредника“.

Л. Н. Толстой.

Серія произведеній, ранѣе запрещавшихся.

Великій грѣхъ. (О земельномъ вопросѣ). Ц 25 к.
Въ чемъ главное дѣло для человѣка. Ц. 5 к.
Единственное средство. Ц. 15 к.
Земля всего народа. Ц. 10 к.
Истинная свобода. (Какъ освободиться рабочему народу) Ц. 6 к.
Конецъ вѣка. Ц. 40 к.
Краткое изложеніе Евангелія. Ц. 80 к.
Какъ уничтожить войну. (Докладъ, приготовленный для конгресса). Ц. 12 к.
Не могу молчать. Ц. 5 к.
Не убій никого. Ц. 10 к.
Объ измѣненіи существующаго строя. Ц. 6 к.
О земельной собственности. Ц. 5 к.
О войнѣ. Ц. 5 к.
О насиліи. (О непротивленіи злу зломъ).
Освобожденіе земли. Ц. 5 к.
Отвѣтъ Синоду Ц. 5 к.
О значеніи русской революціи. Ц. 40 к.
Рабство нашего времени. Ц. 50 к.
Что самое главное для человѣка. Ц. 10 к.
Христіанство и смертная казнь.

Всѣ изданія **„Посредника“** продаются: 1) въ книжномъ магазинѣ **„Посредникъ“**: Москва, Петровскія линіи, 2) въ отдѣленіи склада **„Посредникъ“**: Петроградъ, Невскій, 84, кв. 89, и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ.— Выписывать изъ главнаго склада издательства **„Посредникъ“**: Москва, Арбатъ, 36. **И. И. Горбунову.**

Цѣна **12** коп.